

ЗРЕЛИЩА

ГОДА ВТОРОГО

№ 63

НОМЕР ОДИННАДЦАТЫЙ.

БЕРЛИН.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Среди бранденбургских песков стоит этот город с 4½ миллионами жителей. Одевается в защитное. Незаметный, не самобытный, бесплодный. Образцы своих творческих возможностей высасывает он из провинции. Искусство там никогда не процветало. Оно всегда было трафаретно, в лучшем случае подражало иноземному.

Даже такой типичный берлинец как Карл Штернгейм ненавидит этот город и творит в лесном замке близ Дрездена.

В художественном отношении Берлин самый непродуктивный город Европы. Он только—потребитель с огромным аппетитом. Он поглощает все, что в стране создается художественного, и тех, кто это художественное создает, жалких насекомых, мнящих свои произведения бессмертными.

В течение какого-нибудь месяца эти «бессмертные» творения потребляются, пережевываются и, наконец, выплевываются. Город дерзко драпируется ими. Но когда драпировка падает, она обнажает все ту же неизменную каменную маску защитного цвета.

Театр дорог и непостижимо скучен. Я видел комедию Фульда, комедию Штернгейма и одно обозрение. Первая пьеса «Потерянная дочь»—банальная история молодой девицы, меняющей скучного болтуна на болливую скуку. Пьеса Штернгейма называется «Штаны» и является едкой сатирой на берлинскую буржуазию 1912 г. В обозрении же 20 раз появляются 200 голых девиц и 2 раза Фридрих Великий. Голые девицы с шумным восторгом приветствуют появление Фридриха Великого и его гренадеров.

После представления девицы уносятся, Фридрих же остается лежать. Он является «патриотической кулисой», в то время как девицы—кулисными патриотками.

Все это невыносимо пошло.

Режиссер обозрения выучился у русского кабарэ «Синяя Птица» вырезать из задника и кулисах отверстия и просовывать в них головы актеров. «Синяя Птица» в свою очередь заимствовала это у «Летучей Мыши». Как бы то ни было, но мне кажется совершенно правильной следующая берлинская поговорка:

«Искусство это то, что один еврей подглядит у другого».

Я не знаю, еврей ли Форсггер и где мог его увидеть Пауль Лени, режиссер и декоратор кабарэ «Гондола», но во всяком случае «1923»—одна из пьес «Гондолы»—являет собой стереотип «Шестивия Шарлатанов» в Массефоре.

ДИРИЖЕР БРУНО ВАЛЬТЕР.

К его приезду в Москву.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПИСЬМА ИЗ БЕРЛИНА СМОТРИ В ЖУРНАЛЕ.